

Психология в современном мире (психологи о психологии)

Проблемные ситуации психологии XXI в.

А. Г. Асмолов, М. С. Гусельцева

Психология как ремесло социальных изменений: технологии гуманизации и дегуманизации в обществе¹

Обсуждается методология изменений как совокупность исследовательских стратегий, направленных на интеграцию теории и практики в сфере естественных и социогуманитарных наук, а также роль ремесла гуманистики в социокультурных процессах трансформации современного общества. Обозначается миссия психологов как мотиваторов социальных изменений, конструирующих новые нормы образования, «стандарты» и образцы гуманистического поведения, предлагающих позитивные образы будущего в социализации современных детей и подростков.

Ключевые слова: методология изменений, миссия психологии в обществе, социокультурная трансформация общества, гуманистические практики, дегуманизация, гуманизм, культура достоинства, постматериалистические ценности.

В истории культуры существуют целый ряд наук, которые, как и бросившие вызов обществу люди, подвергаются репрессиям. Какие это науки? Что их объединяет? Как они связаны с историко-эволюционным процессом, взлетами и кризисами цивилизаций? Для того чтобы ответить на эти вопросы, взглянем на социальную историю российского общества. В нем существуют ряд наук, которые, пользуясь концептом М. Г. Ярошевского «репрессированная наука», подвергаются гонениям и оказываются табуированными. Назовем эти науки, по крайней мере некоторые из них. В этом ряду педология и психотехника, генетика и кибернетика, этнография и языкознание. Как не раз нами отмечалось, при всем внешнем несходстве эти науки объединяет то, что они являются науками об изменчивости, разнообразии, неопределенности. И фактически не говорилось, что они рано или поздно из области науки переходят в область ремесла изменений социальной жизни². Отсюда реабилитация этих наук, будь то педология или евгеника, приводит к тому, что в мир возвращаются культурные практики, несущие гуманистические ценности этих областей познания.

Именно присущее этим наукам единство слова и дела, исследований и ремесла побудило нас обратиться в свое время к уникальному потенциалу педологии и психотехники (см.: [37]), и разработать Проект практической психологии образования (см., напр., [6; 17; 28]).

В этой статье, обратившись к новейшей истории практической психологии образования, мы отразим миссию психолога как мотиватора социальных изменений, вносящего свой вклад в технологии гуманизации общества.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 16-18-10434.

² Мысль о психологии как ремесле изменения реальности навеяна исследованием представителя исторической школы «Анналов» М. Блока [13].

Психология в изменяющемся и изменяемом мире

В 1990-е гг. одним из авторов данной статьи разрабатывалась гуманистическая идеология психологии и образования, которая в те годы казалась утопической и была известна под лозунгом «**От культуры полезности — к культуре достоинства**» [3; 4]. Сегодня же мы наблюдаем, что эти ценностные ориентиры оказались в некотором роде прогностическими и нашли эмпирическое подтверждение в ряде исследований, посвященных трансформации ценностей в современном мире — от «ценностей выживания» к «ценностям самовыражения»¹ [27; 29; 49]. Также теоретическая модель и современные культурные практики повседневности, связанные с идеологией культуры достоинства, нашли отражение в исследовательской программе социокультурной модернизации образования [7] (см. также: [9; 28; 31]). Еще раз лаконично сформулируем *основные положения* этой исследовательской программы.

От культуры полезности — к культуре достоинства. Интеллектуальное движение, обозначенное этим лозунгом, раскрывает латентный эволюционный смысл устремления как отдельного человека, так и общества в целом к культуре достоинства и является ценностным вектором разнообразных проектов в сфере психологии и образования [7; 30].

Культура полезности ориентирована в основном на ценности прагматизма и социального конформизма, так называемые материалистические ценности. В ней преобладает обменная логика взаимоотношений между людьми, личность редуцирована к утилитарным функциям, периоды детства и старости обесцениваются как этапы жизни, не приводящие к прямому прагматическому эффекту. Представления о самооценности человеческой жизни и саморазвитии личности в культуре полезности не являются базовыми, при этом наиболее явно суть культуры полезности передается высказыванием: «Незаменимых у нас нет». В отличие от этого в культуре достоинства человека понимают, принимают и любят не за что-то, а просто так. Базовыми предпосылками в культуре достоинства являются неповторимость и самооценность индивидуальности каждого человека, каждого языка, каждой нации, каждой культуры.

Концептуализация движения от культуры полезности к культуре достоинства представляет собой последовательную разработку программы образов конструктивного будущего современных детей и подростков, позитивной социализации молодежи и взрослых.

Так, в типологической идеальной модели все разнообразие человеческих культур мы можем разместить в умозрительном континууме «достоинства» и «полезности», где на одном полюсе окажутся открытые гуманистические культуры, а на другом — закрытые тоталитарные системы. Первые почитают высшей ценностью поддержку и развитие человека, а политические системы, хотя бы отдаленно придерживающиеся гуманистической идеологии, опираются на лучшие человеческие качества, такие как благородство, бескорыстие, милосердие, доброжелательность, взаимопомощь, сопереживание и солидарность, тогда как тоталитарные режимы эксплуатируют низменные человеческие инстинкты и слабости. В теоретическом осмыслении такого рода культур нам следует обратить внимание на труды: «Аристономия» Б. Акунина [1] и «Банальность добра» Е. Берковича [11] — как исследования человеческих добродетелей; «Банальность зла» Х. Аренд [2] и «Эффект Люцифера» Ф. Зимбардо [24] — как исследования человеческих пороков. В свою очередь, тоталитарные и гуманистические культуры являют разные аксиологии жизни:

¹ «Главным мотивом деятельности личности становится стремление к самосовершенствованию» [32. С. 222].

«человек для государства» (где ради абстрактной идеи, политических амбиций или прихотей субъектного носителя функций тоталитарной власти можно положить миллионы человеческих жизней) или «государство для человека» (где приоритетом являются ценности развития, взаимопомощи, солидарности, гуманизма, а общее благо страны складывается из благополучия каждого члена сообщества). В планетарном масштабе тренды модернизации, антропологического поворота, информатизации общества и экономики знаний ведут к тому, что на политической карте мира становится все больше стран, движущихся к постматериалистическим ценностям и демократии [29; 45].

В социокультурной трансформации от индустриального мира к постиндустриальному также менялось и представление о сильном государстве: так, если в тоталитарной картине мира, свойственной мышлению политических элит XIX и первой половины XX в., сильное государство — это централизованное и милитаристское государство, одерживающее военные победы и расширяющее свою территорию, то в современном глобальном мире, с исчезающими границами и идеологией добрососедства, сильное государство — постоянно модернизирующееся и отвечающее на вызовы реальности — оценивается по параметрам обустройства своих территорий, социального благополучия, ценности и продолжительности человеческой жизни, успехов здравоохранения, экологических показателей, научных и технологических достижений и, главное, понимания приоритетности сфер культуры и образования. **Сильное государство в XXI в. — это умное государство** (подробнее см.: [36; 52]).

Без понимания этих реальностей невозможно осуществить переход к современности — эпохе экономики знаний, расцвета инноваций, приоритетной ценности человеческого капитала, когда благополучие и могущество страны определяет, как представляется из позапрошлой оптики, «факультет ненужных вещей», а на самом деле тот камень, который презрели строители, возвращается в наши дни во главу угла.

От технократической модернизации государства — к социокультурной модернизации общества. Нередко при обсуждении перспектив развития российского общества преобладают утилитарные и технократические подходы, за рамками которых оказывается социокультурное и персональное развитие человека в современном мире. Подобного рода подходы неминуемо ведут к тому, что повседневные мотивации поведения отдельных людей, исторические мотивации больших и малых социальных групп фактически оказываются вне диапазона внимания государственных программ развития страны.

В программе позитивной социокультурной модернизации образования как потенциального источника развития общества приоритетными являются такие феномены, как самоконструирование идентичности, трансформации ментальной картины мира современных детей и подростков, поддержка жизненных ориентаций на постматериалистические ценности, конструирование образов достойного будущего человека и мира. В практическом преломлении подобного рода идеология¹ и методология приводят к усилению таких эффектов образования, как развитие гражданской идентичности, солидарности и консенсусной консолидации общества, уменьшение рисков социальных, национальных и этнических конфликтов в программах развития и модернизации Российского государства.

¹ Под идеологией в рамках нашей статьи мы понимаем национальную (государственную?) программу поддержки позитивных ценностей и образов будущего.

В свою очередь, подобного рода идеология и методология с уровня риторики, теорий и деклараций должна стать основой для проектирования определенных социальных и культурных практик, а для этого она требует самого широкого внедрения в систему образования.

От педагогики дрессуры, знаний, умений и навыков — к педагогике вариативного развивающего смыслового образования. В традиционалистских педагогических концепциях преобладают приоритеты дрессуры, знаний и навыков над личностным развитием человека, в результате чего обучение сводится к трансляции готовых знаний, адаптации человека к существующей социальной системе, превращению образования в социальную фабрику средних учеников. В отличие от этого подхода, гуманистическая методологическая программа, ориентированная на поддержку индивидуальности личности, развитие практик вариативного образования как расширения возможностей развития личности, образования как политически значимой социальной деятельности, способствует раскрытию личностного потенциала каждого человека и его самореализации в текущей социокультурной реальности. Отметим, что практическое применение эти идеи нашли в ряде вполне конкретных проектов развития вариативного образования, ценностно-смысловой педагогики, педагогики совместных действий и т. п. [7; 30]. Они также воплощены в разработке программ практической психологии образования, поддержки толерантности и вариативного смыслового развивающего образования [9].

От обезличенной психологии познания — к психологии саморазвивающейся личности в саморазвивающемся мире. В психологии долгое время господствовал, да и продолжает господствовать идеал классической рациональности, который при всей его важности нивелирует роль мотивов, эмоций, переживаний и установок в поведении людей. Наряду с психологией как доказательной наукой нам необходимо развитие «интересной» психологии — психологии как авторской и пристрастной науки, как гуманитарной науки о мотивациях людей и отдельных личностей, придающей смысл и ценность их существованию в изменяющемся мире [5; 9; 19; 20].

Одним из ключевых методологических принципов такого рода психологии является *принцип мотивационного анализа* поведения отдельных личностей, больших и малых социальных групп, психоисторической интерпретации современной социокультурной реальности. Вместе с прагматически ориентированной бихевиористской психологией и когнитивной психологией нам нужна третья точка опоры, а именно: **психология как культурно-историческая наука о жизни человека в его повседневном мире, о его печалях и радостях, опирающаяся на методологию изменений и социального конструктивизма.** Отчасти данные идеи и идеалы реализуются в культурно-деятельностном историко-эволюционном подходе к психологии личности, в концепции об уровневой природе осознаваемых и неосознаваемых установок, в представлениях о смысловых образованиях личности [5]; в историко-генетическом подходе к социализации современных детей и подростков в условиях транзитивного общества [22; 33], в системно-субъектном [42] и субъектно-аналитическом подходах [25] к развитию современного человека; также определенный вклад в методологическое обоснование социогуманитарно ориентированной психологии внес культурно-аналитический подход [21].

От психологии изучения отдельных психических функций — к психологии социальных действий и конструирования жизненных миров. Образы позитивного будущего создают психологические теории, которые не противопоставляют ценности коллективизма и индивидуализма, а раскрывают присущую

этим теориям диалектику антиномии (В. А. Роменец, М. М. Рубинштейн). Здесь также крайне важно отметить, что процессы индивидуализации и глобализации — это далеко не всегда очевидно — две стороны одной медали позитивной социализации человека. Это означает, что не бывает подлинной индивидуализации и становления национальной (гражданской) идентичности без опоры на космополитические установки и общечеловеческие ценности. Таким образом, перед современной системой образования встанут принципиально новые задачи. Педагог и антрополог К. Вульф¹ отразил эти задачи в контексте образовательной программы глобального и межкультурного воспитания. «От человека ожидают самоопределения и самореализации. Принятие решений и рефлексия становятся важными навыками образа жизни» [14. С. 221]. От современного же подростка в глобальном мире требуются такие компетенции, как «способность к сотрудничеству и инновациям, успешность и способность к рефлексии, медийная межкультурная компетенция» [Там же. С. 222]. Для современных школьных учебников недостаточно «национально-центристского видения воспитания и образования», где иные культуры выступают лишь фоном развития собственной нации, а необходима децентрализация взгляда — как изучение национальных культур в контексте планетарной истории, так и включение в школьные программы региональных традиций, «разработка *новых транснациональных принципов лояльности и солидарности*» [Там же. С. 227–228]. Глобализация — это сложный и многомерный процесс, не только включающий экономические, политические, социальные и культурные аспекты, но и протекающий в сочетании антиномий, где универсальное поддерживает уникальное, глобальное усиливает локальное, а развитие индивидуальности подразумевает опору на человеческую солидарность.

Современная психология развивается в сложном, разнообразном и глобальном мире. На наш взгляд, одна из наиболее эвристичных концептуализаций глобализации принадлежит отечественному философу и историку культуры В. М. Межуеву [34]. В этой связи приведем довольно пространную цитату: «Глобализация, в отличие от модернизации, включает... иное понимание современности и перехода к ней. Данный переход осознается... как задача, постоянно решаемая совместными усилиями всего мирового сообщества, а не каждым в отдельности. Современен... тот, кто озабочен не только своей судьбой, но и судьбой мира, его глобальными проблемами, так или иначе включен в их решение. Экономический рост, высокий уровень жизни, военное могущество и все остальные несомненные признаки процветания не являются здесь еще достаточными характеристиками современности, ее опознаваемыми всеми знаками и символами. <...> Мера этой всеобщности и становится здесь мерой собственной современности. С этой точки зрения современной нельзя считать и ту политику, которая во имя ложно понятого патриотизма и национального эгоизма отгораживается от мира, пытается противостоять глобализации, и ту, которая сводит глобализацию фактически к той же модернизации, выдавая за нее вырвавшуюся на волю и затопившую весь мир рыночную стихию» [34].

¹ Кристоф Вульф (р. 1944) — профессор общей и сравнительной педагогики Свободного университета в Берлине, директор Междисциплинарного центра по сравнительной антропологии, один из идейных лидеров современного образования.

Педагогика достоинства: технологии гуманизации и дегуманизации в культуре

Движение к современности далеко не всегда оказывается путем прогресса и гуманизма. История XX в. продемонстрировала нам бездны и феномены массового сознания, осмысление которых предстоит и будущим поколениям. Так, психолог Ф. Зимбардо [24] вошел в анналы социальной психологии как автор Стэнфордского тюремного эксперимента, сразу же ставшего классикой психологической науки. Извлечение уроков из этого опыта продолжается и в наши дни, когда уже не только социальная, но и культурно-историческая психология занимаются его интерпретацией и осмыслением [18]. В свое время французский психолог Т. Рибо сформулировал понятие «эксперименты самой природы», имея в виду аномалии психического развития, наблюдения за которыми легли в основу патографии как исследовательского метода клинической психологии. Но ведь помимо естественных экспериментов, поставленных природой, перед психологической наукой открываются особые *эксперименты самой истории*. Среди них: инквизиция, «большой террор» времен Французской революции, репрессии, холокост, концентрационные лагеря, технологии «телененавидения». Феноменология и социальные практики общества, позволяющего элиминировать индивидуальность, и психология отчуждения от зла привлекают внимание как публицистов, так и интеллектуалов. Почему людей, оказывающих сопротивление катку репрессий, во всякую историческую эпоху не бывает слишком много? Как преодолеть в современном российском обществе виктимность [39; 40], следы которой несет в своей душе едва ли не каждый наш современник? В наши дни пришло время культурно-психологических рефлексий, предъявления вытесненного содержания исторической памяти свету сознания, и эти концептуализации сегодня известны под именем культурной травмы [46; 47]. Неосмысленный опыт духовного крепостничества становится источником конфликта между «жертвами» и «палачами»¹. Однако психологи Б. Беттельгейм [12], Ф. Зимбардо [24], В. Франкл [44], К. Юнг [48] осмысливали не только опыт выживания человека в условиях тоталитаризма или нацистских концлагерей, но и способность к сохранению им культуры гуманизма и человеческого достоинства в нечеловеческих условиях. Как никогда, наше время характеризует мысль, нашедшая отражение в картине художника М. Эшера: «Рисунок Эшера демонстрирует три психологические истины. Первое: мир наполнен и добром, и злом — так всегда было и всегда будет. Второе: границы между добром и злом проницаемы и расплывчаты. И, наконец, третье: ангелы могут стать демонами, а демоны, хотя это иногда трудно постичь, способны стать ангелами» [24. С. 23].

С. Милгрэм [35], пытаясь разобраться, что случилось с населением целой страны во время Холокоста, изобрел эксперимент, известный как «слепое подчинение авторитету». Тем не менее культурно-историческая психология зла представляет собой такие же ненаписанные страницы психологии, как культурно-историческая психология любви, свободы и достоинства. Эти страницы только еще пишутся, однако исследования уже упомянутого Ф. Зимбардо внесли важную лепту в осмысление ситуационных трансформаций характера. Так, в ходе Стэнфордского тюремного эксперимента влияние ситуационных и системных факторов на изменение идентичности человека поразило самих исследователей. Если в начале эксперимента между отобранными группами студентов «не было никакой разницы», то спустя не-

¹ В 1953 г. после смерти И. Сталина Анна Ахматова заметила: «Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили». См.: <http://obzor35.ru/13-9/16608-anna-andreevna-akhmatova>

делю — «между ними уже не было ничего общего» [24. С. 312]. Анализируя также другие исторические преступления и массовый геноцид людей, Ф. Зимбардо приходит к выводу, что дело здесь не в садистских наклонностях отдельных личностей, а в нечеловеческой логике Системы.

«Мы без конца ругаем товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить — кто написал четыре миллиона доносов?» — обронил однажды писатель С. Довлатов [23]. Вряд ли С. Довлатов и Ф. Зимбардо были знакомы, однако их волновали общие вопросы: психология зла в качестве системы, а не частных случаев и каким образом общество или отдельный человек способны ей противостоять? «Разумеется, существует врожденное предрасположение к добру и злу. Более того, есть на свете ангелы и монстры. Святые и злодеи. Но это — редкость. Шекспировский Яго, как воплощение зла, и Мышкин, олицетворяющий добро, — уникальны. ...В нормальных же случаях... добро и зло — произвольны. Так что, упаси нас Бог от пространственно-временной ситуации, располагающей ко злу... Одни и те же люди выказывают равную способность к злодеянию и добродетели» [23]. В свою очередь, Ф. Зимбардо предложил *психологическое определение зла*: зло — это «осознанный, намеренный поступок, совершаемый с целью нанести вред, оскорбить, унижить, дегуманизировать или уничтожить других людей, которые ни в чем не виноваты; или использование личной власти и авторитета Системы для того, чтобы поощрять людей или позволять им совершать подобные поступки от ее имени» [24. С. 27].

Тема влияния на поведение личности ситуационных факторов обсуждалась в исследованиях В. Мишела [50; 51]. Однако именно Ф. Зимбардо показал, что мотивационный анализ человеческого поведения подразумевает взаимодействие не только личностных и ситуативных, но и *системных факторов*. В эксперименте была смоделирована настоящая жизнь в тюрьме — заключенные и охранники, лишение первых индивидуальности, ощущение беспомощности. «Стэндфордский тюремный эксперимент, изначально задуманный как символическая тюрьма, в умах ее охранников и заключенных стал тюрьмой реальной, и даже слишком реальной» [24. С. 52]. Иными словами, недостаточно отрефлексированной особенностью этого эксперимента, но приобретающей особую значимость в контексте нашей статьи является тот факт, что в эксперименте была сконструирована социокультурная ситуация, включающая произвол и враждебность охранников и виктимное¹ поведение жертв, причем и те и другие стали заложниками символического восприятия этой нереальной ситуации.

Как это нередко случается в науке, задумывая исследовать одно, ученые открывали совсем другие феномены. Так, поначалу предметом исследования Ф. Зимбардо являлась стратегия сопротивления заключенных: «...что они сделают, чтобы попытаться вернуть себе власть, вернуть себе определенную степень индивидуальности, получить некоторую свободу, отвоевать хоть какое-то личное пространство» [Там же. С. 104]. Однако вскоре оказалось, что наблюдение за охранниками не менее информативно в познании человека. «В начале эксперимента все они казались обычными хорошими ребятами. Те, кто стал охранниками, прекрасно знали, что если бы монета выпала другой стороной, им пришлось бы одеть робу заключенных и слушаться тех, кого они унижают. Они знали, что заключенные не совершали никаких преступлений и

¹ Виктимность — психологическое состояние, характеризующееся жертвенностью, отказом от сопротивления («выученной беспомощностью»), когда помимо внешнего тоталитарного контроля человек становится тюремщиком самого себя.

на самом деле не заслужили статуса заключенных. Тем не менее одни охранники превратились в исчадия ада, а другие стали пассивными соучастниками дьявола, просто бездействуя» [24. С. 277—278].

Культурно-психологическим механизмом, заставляющим обычных людей спокойно творить зло или наблюдать за этим, является *дегуманизация*. «Что может заставить граждан одной страны настолько возненавидеть граждан другой, чтобы начать их изолировать, пытаться и даже убивать? Для этого нужен “образ врага”, психологическая конструкция, глубоко укореняемая в умах... с помощью пропаганды, которая превращает других людей во “врагов”» [Там же. С. 36]. Обратим внимание, что важное место этот конструкт занимает и в разработках историко-эволюционного подхода [8]. История человечества знает ужасы инквизиции, бесчисленные развязанные войны, геноцид армян в Османской империи, уничтожение евреев нацистами, репрессии советской системы против собственного народа, а также массовое уничтожение граждан в Камбодже и Китае времен «культурной революции». Обратим внимание, что в каждом случае тоталитарная система посредством пропаганды как идеологической манипулятивной практики конструировала *образ врага*.

В эксперименте Ф. Зимбардо, где предполагалось исследовать влияние Ситуации против диспозиций Личности, самопроизвольно сформировался третий компонент — *Система*. «Система включает в себя Ситуацию, но она более устойчива, более обширна и создает прочные связи между людьми, а также создает ожидания, нормы, политику, а иногда и законы. Со временем системы приобретают исторический фундамент, а иногда также структуру политической и экономической власти, которая управляет поведением многих людей в рамках сферы влияния Системы. Система — движущая сила, создающая ситуации, формирующая контекст поведения, влияющий на действия тех, кто в них попадает. В какой-то момент Система становится отдельной сущностью, она больше не зависит от тех, кто ее создал, и даже от тех, кому принадлежит основная власть в ее структуре. Система всегда создает собственную культуру, и множество систем в совокупности оказывают влияние на культуру общества» [24. С. 287]. Оказавшиеся внутри Системы — ее заложники: это не только заключенные и охранники, но даже создатели: персонализированные режимы приходят и уходят, а система «тюремного эксперимента» в стране остается.

Что же произошло с участниками эксперимента? «Все они незаметно для себя интернализовали набор разрушительных тюремных ценностей, отделивших их от собственных гуманистических убеждений» [Там же. С. 276]. Этот жестокий эксперимент выявил важный психологический механизм, позволяющий ответить на вопросы, что случилось с обществом, например, в гитлеровской Германии, задуматься о современности: не сделалось ли российское общество *незаметно для себя* участником нового социально-исторического эксперимента по дегуманизации, где карта «образа врага» активно разыгрывается властью? И где перед каждым открывается шанс найти в себе Личность, способную на сопротивление.

От технологии дегуманизации — к ценностям и практикам культуры достоинства

Дегуманизированные политика, педагогика, медицина, юриспруденция — все это плоды тоталитарной системы. Каждому для психологического благополучия необходимо самоощущение: я — хороший человек. Если же где-то рядом горят костры инквизиции, происходят погромы, геноцид, репрессии, то

либо это государство правильно борется с «врагами народа», либо эти преступления делают другие плохие люди, а я — хороший человек. Многочисленные исследования психологов в XX в. развенчивают подобные иллюзии [24; 35]. Так, опыт Стэндфордского эксперимента не только продемонстрировал, как легко «хорошие люди» могут превращаться в жестоких монстров или «патологически пассивных жертв», но и указал на важность ситуационного анализа. «...Всякий раз, когда мы пытаемся понять причину какого-то странного, необычного поведения — собственного или других людей, нужно начинать с анализа ситуации» [24. С. 336]. Одновременно эксперимент выявил культурно-психологический феномен дегуманизации (когда другой человек перестает восприниматься в качестве личности). «Дегуманизация — основное положение, объясняющее жестокость человека к человеку. Дегуманизация возникает всякий раз, когда одни люди начинают считать, что моральные нормы, определяющие, что значит быть человеком, к другим людям не относятся» [Там же. С. 461—462]. Дегуманизируя, мы превращаем субъекта в объект. Однако *дегуманизация — не только психологический, но и социокультурный процесс*, к ней «прибегают государства, подстрекая к насилию своих граждан» [Там же. С. 468]. «Национальная пропаганда с помощью СМИ (и с ведома правительства) создает “образ врага”» [Там же. С. 469]. В истории практически каждой страны есть позорные страницы охоты на меньшинство (инакомыслящих). Освенцим был плодом коллективных действий в такой же мере, в какой и ГУЛАГ. В книге «Банальность зла» Х. Арендт [2] показала, с какой легкостью в тоталитарной системе люди приобретают системные качества, побуждающие их совершать бесчеловечные поступки. Так, нацистский преступник А. Эйхман, как и множество его соотечественников и современников, был типичным обывателем, успокаивавшим совесть тем, что «всего лишь выполнял приказы». В свою очередь, эксперименты С. Милгрэма продемонстрировали, что если создать в той или иной стране систему концлагерей, подобную нацистской Германии, то практически в любом городке найдутся желающие с энтузиазмом выполнять преступные приказы. Ф. Зимбардо также обращает внимание на то, что равнодушие и «бездействие тоже могут быть злодеянием, если ситуация требует активной помощи другим, протеста, неповиновения или активного призыва к переменам» [24. С. 471].

У психологической науки есть не только призвание помогать отдельным людям и социальная ответственность, но и миссия (как науки о человеке) способствовать гуманизации общества. Могут ли психологи не осознавать, что, например, политическое конструирование тоталитарных движений представляет собой сегодня постстэнфордские эксперименты? Так, опыт Р. Джонса в одной из типичных американских школ продемонстрировал, как легко заставить подростков подчиняться фашистской идеологии. Фильм «Волна», созданный на основе этого эксперимента, продемонстрировал, с какой легкостью в условиях негативной социализации обычные дети способны сотворить «псевдогитлерюнд», т. е. сконструировать мини тоталитарную реальность. Что в этом контексте мы можем сказать *о миссии психолога в современном обществе?* Культурно-психологическое невежество и безответственность руководства любой страны требуют осмысления и решительного осуждения интеллигентами, если последние не хотят стать соучастниками «преступного бездействия». В этой связи уместно вспомнить повлекшие за собой трансформацию культуры социальные действия интеллигентов, например, таких как В. Г. Короленко (осудивший столыпинские репрессии в статье «Бытовое явление»), или Л. Н. Толстой («Не могу молчать!» [43]), или Э. Золя («Я обвиняю!» [26]),

или А. И. Солженицын («Не жить по лжи»). В наши же дни хотелось бы обратить внимание на разработку гуманистического манифеста, противостоящего регрессу, варваризации и обезличиванию в сфере образования (см: [16]).

Важную роль в психологических исследованиях играет осмысление того, каким образом личность может сопротивляться Ситуации и Системе. Так, Ф. Зимбардо предлагает лаконичную программу сопротивления негативным социальным влияниям (сопротивления негативной социализации). Поскольку социальные влияния бывают крайне разнообразны, то универсального рецепта здесь нет, но в духе постнеклассической эпистемологии предлагается веер вариативных ориентировочных стратегий. В контексте развиваемой в данной статье методологии эти повседневные жизненные стратегии и культурные практики представляют собой **программу позитивной социализации современных детей и подростков**:

- честность перед собой и другими (например, саморефлексивное признание: «Я совершил ошибку»);
- усиление самосознания, сознательное культивирование в себе личной стойкости и гражданского достоинства;
- опора на убеждения и ценности, выводящие личность в пространство аксиологического наследия и практик культуры;
- развитие критического мышления и чувства личной ответственности;
- способность совершить оценку тех или иных поступков из перспективы будущего;
- поддержка собственной уникальности и ценности индивидуальности, предполагающая дифференциацию авторитета и власти (например, не всякая власть достойна уважения);
- творческий поиск консенсуса между групповой принадлежностью (солидарностью) и личной независимостью (индивидуальными стратегиями поведения);
- умение дифференцировать персональную, социальную, гражданскую и государственную идентичности, а также не жертвовать *настоящей* свободой ради *будущей* безопасности¹.

Также Ф. Зимбардо [24] советует, сопротивляясь вертикали системы, создавать горизонталь солидарности.

Методология изменений: культурные практики повседневности

Всякая культурная эпоха представляет собой разнообразие противоречивых трендов. Однако в сферу российского образования в последнее время вернулись традиции дегуманизации и унификации, которые не могут не вызывать беспокойства со стороны психологов как мотиваторов конструктивных социальных изменений. Так, технократическая оптимизация авторских школ ведет к подавлению вариативности и дисциплинарным практикам унификации, где обезличивание ребенка проявляется во введении обязательной школьной формы, в пренебрежении к его индивидуальности, в преобладании диагностики отбора над диагностикой развития детей. Преподавание по «единственно правильным» учебникам также отражает негативный социокультурный тренд возвращения к единомыслию.

¹ «Никогда не идите на подобную сделку, никогда не жертвуйте личными свободами в обмен на обещание безопасности, потому что ваши жертвы будут реальными и немедленными, а безопасность — отдаленной и иллюзорной. <...> Классическая книга Э. Фромма «Бегство от свободы» напоминает нам, что это — первый шаг любого фашистского лидера, даже в «демократическом» обществе» [24. С. 641].

Ключевая установка *практической психологии образования и педагогики достоинства* — *поддержка разнообразия миров детства и самоценности и развития личности*. Эта установка нашла выражение в новых стандартах дошкольного и школьного образования как нормах поведения больших и малых социальных групп, взаимоотношений детей, учителей и родителей [38]. С этих позиций не ребенок должен готовиться к школе, а школа — к ребенку; не человек жить ради государства, а государство служить развитию и достойной жизни человека. Если в культуре достоинства детство, как и любой возрастной этап, самоценно, то в логике культуры полезности человек рождается ради выполнения тех или иных общественных функций: дошкольник готовится к школе, школьник — к вузу, студент — к выбору профессии, профессионал — к пенсии, а пенсионер — к смерти. Таким образом получается, что мы рождаемся, чтобы готовиться к смерти. Поэтому необходимо четко определиться с целями воспитания: мы хотим вырастить людей со свободным критическим мышлением или только подданных по найму у государства? Это совершенно две разные установки в культуре (так, в культуре полезности «умные нам не надобны, надобны — верные»¹). Личность кончается там, где человек начинает жить по формуле «что изволите?». Однако архаика и даже классика хороши только тогда, когда они переработаны и осмыслены культурой современности. В этом ключе современная школа должна быть институтом поддержки человечности в человеке, который помог бы индивидуальности отстаивать себя. Гуманистические задачи школы — в поддержке рождения и преодоления кризиса идентичности в разных возрастах. Речь идет о трех линиях идентичности: *гражданской идентичности*, где человек сопричастен печалю и радостям той страны, в которой живет (при этом не следует забывать, что быть подлинным патриотом — это не только гордиться достижениями своей страны, но и стыдиться ее преступлений); *этнокультурной идентичности* как причастности к той культуре, в которой человек родился и вырос, и, наконец, третьей — едва ли не самой важной в наши дни — *общечеловеческой идентичности*.

Заключение

Рамки нашей статьи не позволили дать полную картину ремесла психолога как мотиватора социальных изменений, проследить историю становления культурных практик очеловечивания и расчеловечивания, разнообразных способов искусства *жить достойно*. Именно ремесло гуманистики играло значимую роль в успехах модернизации общества Нового времени, промышленном перевороте, становлении наук о человеке, природе и обществе. Таким образом, основной целью данной статьи являлось показать, что без поддержки культурных практик гуманизации общества благими и исключительно декларативными останутся и прорывные технологии экономического роста, и образовательные программы социализации детей и подростков. Если же *психолог берет на себя миссию мотиватора социальных изменений и изобретателя культурных практик поддержки разнообразия, то он невольно становится носителем «силы слабых связей»²* в противоречивом процессе эволюции образования как потенциально-го источника социокультурной модернизации общества.

We discuss the methodology of the changes as a set of research strategies aimed at the integration of theory and practice in the field of natural and social sciences and humanities, as well as the active participation of intellectuals in the processes of sociocultural transformation of the modern society; emphasizes the role of the psychologists as motivators of the social change, creating the new standards and hu-

¹ Известная цитата из книги братьев Стругацких «Трудно быть богом».

² О смысле конструкта «сила слабых связей» см.: [15].

manistic behavior patterns, as well as offering positive images of the future in the socialization of today's children and adolescents.

Keywords: methodology of the changes, the psychology of the mission in the community, sociocultural transformation of society, humanistic practice, dehumanization, humanism, the culture of dignity, post-materialist values.

Литература

1. Акунин, Б. Аристонмия / Б. Акунин. — М. : Захаров, 2012.
Akunin, B. Aristonomija / B. Akunin. — M. : Zaharov, 2012.
2. Арендт, Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / Х. Арендт. — М. : Европа, 2008.
Arendt, H. Banal'nost' zla. Jehman v Ierusalime / H. Arendt. — M. : Evropa, 2008.
3. Асмолов, А. Г. Непройдённый путь: от культуры полезности — к культуре достоинства / А. Г. Асмолов // *Вопр. психологии.* — 1990. — № 5. — С. 5–12.
Asmolov, A. G. Neprojdennyj put': ot kul'tury poleznosti — k kul'ture dostoinstva / A. G. Asmolov // Vopr. psihologii. — 1990. — № 5. — S. 5–12.
4. Асмолов, А. Г. Образование как расширение возможностей развития личности: от диагностики отбора — к диагностике развития / А. Г. Асмолов, Г. А. Ягодин // *Вопр. психологии.* — 1992. — № 1–2. — С. 6–13.
Asmolov, A. G. Obrazovanie kak rasshirenie vozmozhnostej razvitija lichnosti: ot diagnostiki otbora — k diagnostike razvitija / A. G. Asmolov, G. A. Jagodin // Vopr. psihologii. — 1992. — № 1–2. — S. 6–13.
5. Асмолов, А. Г. По ту сторону сознания : Методологические проблемы неклассической психологии / А. Г. Асмолов. — М. : Смысл, 2002.
Asmolov, A. G. Po tu storonu soznaniya : Metodologicheskie problemy neklassicheskoi psihologii / A. G. Asmolov. — M. : Smysl, 2002.
6. Асмолов, А. Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта — к парадигме толерантности // *Вопр. психологии.* — 2003. — № 4. — С. 3–13.
Asmolov, A. G. Prakticheskaja psihologija i proektirovanie variativnogo obrazovanija v Rossii: ot paradigmy konflikta — k paradigme tolerantnosti // Vopr. psihologii. — 2003. — № 4. — S. 3–13.
7. Асмолов, А. Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построения гражданского общества / А. Г. Асмолов // *Вопр. образования.* — 2008. — № 1. — С. 65–86.
Asmolov, A. G. Strategija sociokul'turnoj modernizacii obrazovanija: na puti k preodoleniju krizisa identichnosti i postroenija grazhdanskogo obshhestva / A. G. Asmolov // Vopr. obrazovanija. — 2008. — № 1. — S. 65–86.
8. Асмолов, А. Г. Феноменология неадаптивной активности в культурно-исторической парадигме / А. Г. Асмолов, М. С. Гусельцева // *Культурно-историческая психология.* — 2008. — № 1. — С. 37–45.
Asmolov, A. G. Fenomenologija neadaptivnoj aktivnosti v kul'turno-istoricheskoi paradigme / A. G. Asmolov, M. S. Gusel'ceva // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. — 2008. — № 1. — S. 37–45.
9. Асмолов, А. Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы / А. Г. Асмолов. — М. : Просвещение, 2012.
Asmolov, A. G. Optika prosveshhenija: sociokul'turnye perspektivy / A. G. Asmolov. — M. : Prosveshhenie, 2012.
10. Асмолов, А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [Электронный ресурс] / А. Г. Асмолов // *Психол. исследования.* — 2015. — Т. 8, № 40. — Режим доступа: <http://psystudy.ru>
Asmolov, A. G. Psihologija sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznobrazija [Jelektronnyj resurs] / A. G. Asmolov // Psihol. issledovanija. — 2015. — T. 8, № 40. — Rezhim dostupa: http://psystudy.ru
11. Беркович, Е. М. Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории Холокоста : Заметки по еврейской истории двадцатого века / Е. М. Беркович. — М. : Янус-К, 2003.
Berkovich, E. M. Banal'nost' dobra. Geroi, pravedniki i drugie ljudi v istorii Holokosta : Zametki po evrejskoj istorii dvadcatogo veka / E. M. Berkovich. — M. : Janus-K, 2003.
12. Беттельгейм, Б. О психологической привлекательности тоталитаризма [Электронный ресурс] / Б. Беттельгейм // *Образовательная политика.* — 2015. — № 2. — Режим доступа: http://edupolicy.ru/wp-content/uploads/2015/08/OP_2_2015_battelgeim.pdf
Bettel'gejm, B. O psihologicheskoi privlekatel'nosti totalitarizma [Jelektronnyj resurs] / B. Bettel'gejm // Obrazovatel'naja politika. — 2015. — № 2. — Rezhim dostupa: http://edupolicy.ru/wp-content/uploads/2015/08/OP_2_2015_battelgeim.pdf
13. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. — М. : Наука, 1986.
Blok, M. Apologija istorii, ili Remeslo istorika / M. Blok. — M. : Nauka, 1986.
14. Вульф, К. Антропология воспитания / К. Вульф. — М. : Праксис, 2012.
Vul'f, K. Antropologija vospitanija / K. Vul'f. — M. : Praksis, 2012.

15. Грановеттер, М. Сила слабых связей / М. Грановеттер // Экон. социология. — 2009. — Т. 9, № 4. — С. 31–50.

Granovetter, M. Sila slabyh svjazej / M. Granovetter // Jekon. sociologija. — 2009. — Т. 9, № 4. — С. 31–50.

16. Гуманистическая педагогика : XXI век. Единство — в многообразии, Ответственность — в свободе, Устойчивость — в развитии [Электронный ресурс] / А. Адамский [и др.] // Образовательная политика. — 2015. — № 4. — Режим доступа: http://edupolicy.ru/wp-content/uploads/2016/01/055-063_Gum_pedagogika_OP-4-2015.pdf

Gumanisticheskaia pedagogika : XXI vek. Edinstvo — v mnogoobrazii, Otvetstvennost' — v svobode, Ustojchivost' — v razvitii [Jelektronnyj resurs] / A. Adamskij [i dr.] // Obrazovatel' naja politika. — 2015. — № 4. — Rezhim dostupa: http://edupolicy.ru/wp-content/uploads/2016/01/055-063_Gum_pedagogika_OP-4-2015.pdf

17. Гусельцева, М. С. Постмодернистская критика и субъективизм в форме пристрастия [Электронный ресурс] / М. С. Гусельцева // Вопр. психологии. — 2006. — № 4. — Режим доступа: <http://www.vash-psiholog.info/voprospsih/215/18065-postmodernistskaya-kritika-i-subektivizm-v-forme-pristrastiya.html>

Gusel'ceva, M. S. Postmodernistskaja kritika i sub"ektivizm v forme pristrastija [Jelektronnyj resurs] / M. S. Gusel'ceva // Vopr. psihologii. — 2006. — № 4. — Rezhim dostupa: <http://www.vash-psiholog.info/voprospsih/215/18065-postmodernistskaya-kritika-i-subektivizm-v-forme-pristrastiya.html>

18. Гусельцева, М. С. Психология зла как культурно-историческая психология / М. С. Гусельцева // Вопр. психологии. — 2013. — № 3. — С. 156–161.

Gusel'ceva, M. S. Psihologija zla kak kul'turno-istoricheskaja psihologija / M. S. Gusel'ceva // Vopr. psihologii. — 2013. — № 3. — S. 156–161.

19. Гусельцева, М. С. Смешанные методы в свете идеала постнеклассической рациональности [Электронный ресурс] / М. С. Гусельцева // Психол. исследования. — 2014. — Т. 7, № 36. — Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1016-guseltseva36.html>

Gusel'ceva, M. S. Smeshannye metody v svete ideala postneklassicheskoi racional'nosti [Jelektronnyj resurs] / M. S. Gusel'ceva // Psihol. issledovanija. — 2014. — Т. 7, № 36. — Rezhim dostupa: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1016-guseltseva36.html>

20. Гусельцева, М. С. Образы достойного будущего как фактор позитивной социализации детей и подростков: ценности гуманизма / М. С. Гусельцева // Образовательная политика. — 2015. — № 4. — С. 12–32.

Gusel'ceva, M. S. Obrazy dostojnogo budushhego kak faktor pozitivnoj socializacii detej i podrostkov: cennosti gumanizma / M. S. Gusel'ceva // Obrazovatel' naja politika. — 2015. — № 4. — S. 12–32.

21. Гусельцева, М. С. Психология и новые методологии: эпистемология сложного [Электронный ресурс] / М. С. Гусельцева // Психол. исследования. — 2015. — Т. 8, № 42. — Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1158-guseltseva42.html>

Gusel'ceva, M. S. Psihologija i novye metodologii: jepistemologija slozhnogo [Jelektronnyj resurs] / M. S. Gusel'ceva // Psihol. issledovanija. — 2015. — Т. 8, № 42. — Rezhim dostupa: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1158-guseltseva42.html>

22. Гусельцева, М. С. Многофакторность как принцип изучения развития идентичности подростка в современном мире / М. С. Гусельцева, М. М. Кончаловская, Г. Р. Хузеева // Мир психологии. — 2016. — № 1. — С. 224–237.

Gusel'ceva, M. S. Mnogofaktornost' kak princip izuchenija razvitija identichnosti podrostka v sovremennom mire / M. S. Gusel'ceva, M. M. Konchalovskaja, G. R. Huzeeva // Mir psihologii. — 2016. — № 1. — S. 224–237.

23. Довлатов, С. Зона. 1982 [Электронный ресурс] / С. Довлатов. — Режим доступа: <http://www.tyurem.net/books/dovlatov/007.htm>

Dovlatov, S. Zona. 1982 [Jelektronnyj resurs] / S. Dovlatov. — Rezhim dostupa: <http://www.tyurem.net/books/dovlatov/007.htm>

24. Зимбардо, Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / Ф. Зимбардо. — М. : Альпина нон-фикшн, 2013.

Zimbardo, F. Jefeckt Ljucifera. Pochemu horoshie ljudi prevrashhajutsja v zlodeev / F. Zimbardo. — M. : Al'pina non-fikshn, 2013.

25. Знаков, В. В. Субъектно-аналитический подход в психологии понимания [Электронный ресурс] / В. В. Знаков // Психол. исследования. — 2015. — Т. 8, № 42. — Режим доступа: <http://psystudy.ru>

Znakov, V. V. Sub"ektno-analiticheskij podhod v psihologii ponimaniija [Jelektronnyj resurs] / V. V. Znakov // Psihol. issledovanija. — 2015. — Т. 8, № 42. — Rezhim dostupa: <http://psystudy.ru>

26. Золя, Э. Я обвиняю [Электронный ресурс] / Э. Золя // Первое сентября. — 2009. — Режим доступа: http://his.1september.ru/view_article.php?id=200902006

Zolja, Je. Ja obvinjaju [Jelektronnyj resurs] / Je. Zolja // Pervoe sentjabrja. — 2009. — Rezhim dostupa: http://his.1september.ru/view_article.php?id=200902006

27. Йоас, Х. Возникновение ценностей / Х. Йоас. — СПб. : Алетейя, 2013.
28. *Joas, H. Vozniknovenie cennostej / H. Joas. — SPb. : Aleteija, 2013.*
28. Концепция организационно-экономической реформы системы образования России / А. Г. Асмолов [и др.] // Поиск. — 1997. — № 38. — С. 34–39.
- Концепција organizacionno-jekonomicheskoj reformy sistemy obrazovanija Rossii / A. G. Asmolov [i dr.] // Poisk. — 1997. — № 38. — С. 34–39.
29. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу [Электронный ресурс] / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. — М. : Моск. шк. полит. исследований, 2002. — Режим доступа: http://www.msps.su/files/2010/12/Wer_culture-matters1a.pdf
- Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom cennosti sposobstvujut obshhestvennomu progressu [Jelektronnyj resurs] / pod red. L. Harrisona, S. Hantingtona. — M. : Mosk. shk. polit. issledovanij, 2002. — Rezhim dostupa: http://www.msps.su/files/2010/12/Wer_culture-matters1a.pdf
30. Культурно-историческая системно-деятельностная парадигма проектирования стандартов школьного образования / А. Г. Асмолов [и др.] // Вопр. психологии. — 2007. — № 4. — С. 16–23.
- Kul'turno-istoricheskaja sistemno-dejatel'nostnaja paradigma proektirovanija standartov shkol'nogo obrazovanija / A. G. Asmolov [i dr.] // Vopr. psihologii. — 2007. — № 4. — S. 16–23.
31. *Лебедева, Н. М. Культура как фактор общественного прогресса / Н. М. Лебедева, А. Н. Тартарко. — М. : Юстицинформ, 2009.*
- Lebedeva, N. M. Kul'tura kak faktor obshhestvennogo progressa / N. M. Lebedeva, A. N. Tartarko. — M. : Justicinform, 2009.*
32. *Лига, М. Б. Качество жизни и постматериалистические ценности / М. Б. Лига // Ползуновский вестник. — 2015. — № 3. — С. 222–229.*
- Liga, M. B. Kachestvo zhizni i postmaterialisticheskie cennosti / M. B. Liga // Polzunovskij vestnik. — 2015. — № 3. — S. 222–229.*
33. *Марцинковская, Т. Д. Современная психология — вызовы транзитивности [Электронный ресурс] / Т. Д. Марцинковская // Психол. исследования. — 2015. — Т. 8, № 42. — Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168-martsinkovskaya42.html>.*
- Marcinkovskaja, T. D. Sovremennaja psihologija — vyzovy tranzitivnosti [Jelektronnyj resurs] / T. D. Marcinkovskaja // Psihol. issledovanija. — 2015. — T. 8, № 42. — Rezhim dostupa: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168-martsinkovskaya42.html>.*
34. *Межуев, В. М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации [Электронный ресурс] / В. М. Межуев // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманит. журн. — 2009. — № 1. — Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/>*
- Mezhuev, V. M. Cennosti sovremennosti v kontekste modernizacii i globalizacii / V. M. Mezhuev [Jelektronnyj resurs] // Znanie. Ponimanie. Umenie : inform. gumanit. zhurn. — 2009. — № 1. — Rezhim dostupa: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/>*
35. *Милгрэм, С. Подчинение авторитету: научный взгляд на власть и мораль / С. Милгрэм. — М. : Альпина нон-фикшн, 2016.*
- Milgrjem, S. Podchinenie avoritetu: nauchnyj vzgljad na vlast' i moral' / S. Milgrjem. — M. : Al'pina non-fikshn, 2016.*
36. *Най, Дж. Будущее власти : Как стратегия умной силы меняет XXI век / Дж. Най. — М. : АСТ, 2014.*
- Naj, Dzh. Budushhee vlasti : Kak strategija umnoj sily menjaet XXI vek / Dzh. Naj. — M. : AST, 2014.*
37. На психотехническом фронте [Электронный ресурс] : матер. к первому съезду Всесоюзного о-ва психотехники и прикладной психофизиологии, 20–21 мая : тез. докл. — М. ; Л., 1931. — 64 с. — Режим доступа: <http://search.rsl.ru/en/record/01007505172>
- Na psihotehničeskom fronte [Jelektronnyj resurs] : mater. k pervomu s"ezdu Vsesojuznogo o-va psihotehniki i prikladnoj psihofiziologii, 20–21 maja : tez. dokl. — M. ; L., 1931. — 64 s. — Rezhim dostupa: <http://search.rsl.ru/en/record/01007505172>
38. Педагогика достоинства: идеология дошкольного и дополнительного образования / под общ. ред. А. Г. Асмолова. — М. : Федер. ин-т развития образования, 2014.
- Pedagogika dostoinstva: ideologija doshkol'nogo i dopolnitel'nogo obrazovanija / pod obshh. red. A. G. Asmolova. — M. : Feder. in-t razvitija obrazovanija, 2014.
39. *Петрановская, Л. В. Про все про это [Электронный ресурс] / Л. В. Петрановская // Livejournal. — 2012. — Режим доступа: <http://ludmilapsyolog.livejournal.com/178381.html>*
- Petranovskaja, L. V. Pro vse pro eto [Jelektronnyj resurs] / L. V. Petranovskaja // Livejournal. — 2012. — Rezhim dostupa: <http://ludmilapsyolog.livejournal.com/178381.html>*
40. *Петрановская, Л. В. Травма поколений [Jelektronnyj resurs] / Л. В. Петрановская // Психол. газета. — 2013. — 21 янв. — Режим доступа: <http://www.psy.su/feed/2509/>*
- Petranovskaja, L. V. Travma pokolenij [Jelektronnyj resurs] / L. V. Petranovskaja // Psihol. gazeta. — 2013. — 21 janv. — Rezhim dostupa: <http://www.psy.su/feed/2509/>*
41. *Репрессированная наука / под общ. ред. М. Г. Ярошевского. — Л. : Наука, 1991.*
- Repressirovannaja nauka / pod obshh. red. M. G. Jaroshevskogo. — L. : Nauka, 1991.*

42. *Sergienko, E. A.* Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива / Е. А. Сергиенко // Психол. журн. — 2011. — Т. 32, № 1. — С. 120—132.
- Sergienko, E. A.* Sistemno-sub'ektnyj podhod: obosnovanie i perspektiva / E. A. Sergienko // Psihol. zhurn. — 2011. — Т. 32, № 1. — С. 120—132.
43. *Толстой, Л. Н.* Не могу молчать! [Электронный ресурс] / Л. Н. Толстой. — Режим доступа: <http://tolstoy.ru/creativity/journalismguide/296.php>
- Tolstoj, L. N.* Ne mogu molchat'! [Jelektronnyj resurs] / L. N. Tolstoj. — Rezhim dostupa: <http://tolstoy.ru/creativity/journalismguide/296.php>
44. *Франкл, В.* Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере / В. Франкл. — М.: Смысл, 2004.
- Frankl, V.* Skazat' zhizni «Da»: psiholog v konclagere / V. Frankl. — М.: Смысл, 2004.
45. *Фурман, Д. Е.* Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем / Д. Е. Фурман. — М.: Весь мир, 2010.
- Furman, D. E.* Dvizhenie po spirali. Politicheskaja sistema Rossii v rjadu drugih sistem / D. E. Furman. — М.: Ves' mir, 2010.
46. *Штомпка, П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе / П. Штомпка // Социол. исслед. — 2001. — № 2. — С. 3—12.
- Shtompka, P.* Kul'turnaja travma v postkommunisticheskom obshhestve / P. Shtompka // Sociol. issled. — 2001. — № 2. — С. 3—12.
47. *Штомпка, П.* Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социол. исследования. — 2001. — № 1. — С. 6—16.
- Shtompka, P.* Social'noe izmenenie kak travma / P. Shtompka // Sociol. issledovanija. — 2001. — № 1. — С. 6—16.
48. *Юнг, К. Г.* Послевоенные психические проблемы Германии [Электронный ресурс] / К. Юнг // Образовательная политика. — 2015. — № 1. — Режим доступа: <http://edupolicy.ru/1672015jung>
- Jung, K. G.* Poslevoennye psihicheskie problemy Germanii [Jelektronnyj resurs] / K. Jung // Obrazovatel'naja politika. — 2015. — № 1. — Rezhim dostupa: <http://edupolicy.ru/1672015jung>
49. *Inglehart, R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society / R. Inglehart. — N. Y.: Princeton Univ. Press, 1990.
50. *Mischel, W.* Personality and Assessment / W. Mischel. — L.: Wiley, 1968.
51. *Mischel, W.* Toward an integrative science of the person / W. Mischel // Annual Review of Psychology. — 2004. — Vol. 55. — P. 1—22.
52. *Nye, J. S.* Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. S. Nye. — N. Y.: Public Affairs, 2004.

А. В. Карпов

Проблема предмета в современном метакогнитивизме¹

В статье представлены материалы, направленные на решение центральной проблемы современного метакогнитивизма — проблемы определения содержания и границ его предмета, а также его дифференциации от других предметных областей психологии. Сформулирован и реализован новый подход к решению данной проблемы, являющийся наиболее полным среди существующих в настоящее время и включающий их как свои частные случаи. Обосновано положение, согласно которому основным критерием принадлежности исследуемых психических феноменов и структур к предметной сфере метакогнитивизма является их функциональная направленность на обеспечение фундаментальных атрибутов психики в целом и сознания в частности — свойств самосензитивности и самопрезентированности. Раскрыты и охарактеризованы основные компоненты, образующие общее содержание предмета метакогнитивизма; представлена их психологическая характеристика.

Ключевые слова: метакогнитивизм, метакогнитивные процессы, метакогнитивные качества, самосензитивность, самопрезентированность, сознание, бессознательное.

I

Одной из основных особенностей развития научного знания в целом и психологического знания в частности является процесс его дифференциации, приводящий к появлению новых дисциплин и направлений. Яркой иллюстрацией данной закономерности является возникновение и бурное раз-

¹ Статья подготовлена на основе текста вечерней лекции, прочитанной 12 октября 2016 г. на факультете психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Ряд исследований, представленных в статье, выполнен при финансовой поддержке РФФ, проект № 16-18-10030.